

НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСНОЙ РОЛИ МЕДИА-ВЛАСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

«Коммуникативная онтология социальной реальности» интерпретирована в качестве коммуникативной сферы самоорганизующихся социокультурных форм и сфер. Раскрыта роль коммуникативных процессов в мире повседневности. Исследована антропологическая стратегия масс-медиа.

Ключевые слова: пространство культуры, коммуникативные технологии, коммуникации, манипулирование, «четвертая» власть, политическое манипулирование, политические коммуникации, глобализм, повседневность, жизненный мир.

Важный аспект современного культурного развития связан с возникновением новой конфигурации культурных процессов в информационно-коммуникативном пространстве, что обуславливает формирование новой онтологии мирового порядка. Информационные технологии, трансформируя пространство современной культуры, вызывают целый ряд изменений во всех областях культурной и социальной жизни. Процесс информатизации фиксирует поворот исторического времени, воплощающийся в появлении новой цивилизации, нового чувства истории, нового понимания человеческого развития в исторической перспективе и обращение к глобальному сообществу как главному субъекту эволюции цивилизации. Это также вводит тему «глобального или мирового сознания», которая не является уникально новой, она уже существовала в истории человечества, отголоски чего можно найти в древнейшей культурной традиции, санскрите: «Истина заключается в том, что весь мир – одна семья». Современные социокультурные процессы глобализации и информатизации смешивают человечество в единое психологическое и коммуникативное целое. Трансформация мирового сознания, эволюция мира в направлении формирования глобальной и информационной парадигм отражают глубинные изменения цивилизационного процесса. Возможно, в определенном смысле процессы глобализации и информатизации выражают эволюцию современной культуры в направлении формирования всемирной политики.

В XXI в. изменился статус коммуникации и коммуникационных технологий в культуре, причем широко распространенный термин «взрыв коммуникаций» означает перенос акцента на управление, организацию коммуникативных процессов. С этими изменениями связано утверждение концепции «я-формирующих» структур (в терминологии В.Н. Поруса) как инструмента, предопределяющего направление эволюции коммуникативного пространства современной культуры. Эта проблема является практически неизученной в гуманитарных науках (философии, социологии, политологии и т.п.) и нуждается в серьезной проработке в плане категориального оформления, а также в плане формирования гипотез, их аргументации и концептуализации.

Становление категории «коммуникация» как одной из базовых для социальной теории привело к возникновению термина «коммуникативная онтология социальной реальности», т.е. реальности, которая может быть интерпретирована в качестве коммуникативной сферы самоорганизующихся социокультурных форм и сфер, коммуникативное пространство которых исследуется

в работах Ю. Хабермаса. Теоретики отмечают, что современные масс-медиа формируют когнитивные ориентации индивидов. Обращение к проблеме роли медиа-систем в формировании пространства современной культуры вызвало обращение к проблеме «я-формирующих» технологий, которые способны заменить традиционные механизмы работы с сознанием (конфессиональные, этнонациональные, культурно-исторические, государственные) нетрадиционными механизмами.

Исследователи (В.Н. Порус, Б.С. Кара-Мурза, Н.В. Громыко) говорят о ситуации, в которой исчезающее «Я» уступает место безликому индивиду; информационные технологии используются как технологии политические; политические технологии ставят под сомнение человеческую индивидуальность: чем отличается одно манипулированное сознание от другого? Под сомнением не только политический строй, но и человек, взамен которого выступает «человеческий материал», формируемый и манипулируемый не в меньшей степени, чем в тоталитаризме. Опасность не в самих информационных технологиях, а в ситуации, когда нарастание информационной плотности выдается за наступление новой культуры: духовность истончается, а информации становится все больше.

Западные аналитики (Э. Гидденс, З. Бауман) отмечают, что порожденный рекламой виртуальный мир порождает распад идентичности как антропологическую стратегию СМИ XXI в. Новые антропологические типы «фланер», «игрок», «турист» З. Бауман определяет как выражение аполитичности. Исчезновение гражданина и замена его потребителем – катастрофа мира, монтируемого современными СМИ. Теоретики подчеркивают, что СМИ преобразовываются в «четвертую власть», «внесистемную», «общезнаменательную» и негосударственную. Манипулирование не присуще какой-то одной или нескольким областям общества, тогда как другие от него свободны, оно распределяется по принципу градации форм и степеней (Н.С. Автономова). Проблему взаимодействия информационной власти и массы исследует Э. Канетти, выделяя главные элементы образа человека и общества (масса, власть, смерть, выживающий) и отмечая процесс перераспределения властных функций в пользу новых субъектов власти – власти информационной [1].

Западные исследователи, анализируя влияние СМИ на политический процесс, выделяют следующие подходы, характеризующие воздействие масс-медиа на политику: роль СМИ как средства влияния на граждан (П. Бурдьё), альтернативный подход – СМИ рассмат-

риваются как инструмент, передающий информацию, но не затрагивающий политических интересов человека (П. Лазарсфельд). Исследователи, анализирующие влияние масс-медиа на политический процесс, выделяют две технологии влияния: конструирование политической реальности и виртуализацию политического процесса (Э. Денис, Д. Мерилл).

На рубеже XX–XXI вв. в основе философского интереса к явлениям коммуникации лежит происходящее изменение статуса коммуникации и коммуникативных технологий в обществе. Исследователи применили даже термин «взрыв коммуникаций», перенеся акцент на управление, организацию коммуникативных процессов. Под коммуникацией (лат. *communicatio* – сообщение, передача) традиционно понимаются действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, коммуникации имеют статус смыслового акцента социального взаимодействия. Морфология коммуникации включает ситуацию, когда участники коммуникативного процесса, владеющие нормами семиотической системы, стремятся осмыслить информацию, выражающую смысл ситуации в элементах определенной семиотической системы; мотивы и цели, определяющие характер, смысл и направленность коммуникативного процесса и, наконец, сам процесс передачи информации. Полагая, что тема коммуникации, интерсубъективности и диалога становится приоритетной для философских исследований, можно определить теоретические основания этого исследовательского вектора – этим основанием явился интерес к действительности языка и знаковых структур. Обозначенный интерес в полной мере был проявлен философами и логиками, лингвистами и семиотиками, – было радикально трансформировано понимание природы коммуникации, возникли новые подходы к ее исследованию и организации. Так, Л. Витгенштейн исследовал коммуникации как комплекс языковых игр, осуществляемых по своим семантико-прагматическим правилам и имеющих свои принципиальные ограничения. Язык, полагаемый ранее как средство коммуникации, оказывается связанным с коммуникацией таким образом, что сама коммуникация погружается в структуры языка, становится пространством, в котором разворачиваются те или иные языковые формы. Этот подход открыл горизонты для искусственно-технического отношения к организации коммуникации. Осуществляется процесс массового конструирования языковых и знаково-семиотических средств, коммуникация приобрела различные организованные формы (массовая коммуникация, диалог «человек – машина» и т.д.).

Категории «коммуникация», «диалог» приобрели статус центральных в философском категориальном ряду; категория «коммуникация» стала одной из базовых и для социальной теории. Так, Н. Луман, обращаясь к проблеме коммуникаций и их роли в аутолояесе, воспроизводстве системы, вводит понятие «самореференции» как того, что определяет тождественность системы через отношения между ее элементами; только внутри системы может быть установлено, что к ней относится и что ей не принадлежит [2]. Социальная система состоит из коммуникаций как ограничителей, допустимых в системе отношений. Понятие коммуни-

кации существенно для теории систем, у Н. Лумана оно тождественно определению социального: с помощью коммуникации система выделяет себя из среды и отличается от всего, что не является коммуникацией, коммуникация служит и элементом, и операцией системы, коммуникация о коммуникации создает самописание общества и одновременно воспроизводит его. Для того чтобы коммуникация могла заниматься сама собой, она должна быть достаточной степени сложности, т.е. различать информацию, сообщение и понимание. Язык же обеспечивает структурное соединение коммуникации и сознания. В теории коммуникативного действия Ю. Хабермас рассматривает коммуникацию в качестве базового социального процесса, как повседневную практику частных жизненных миров, и считает процессы коммуникативной рационализации жизненных миров в качестве структурирующих общественность; Ю. Хабермас полагает, что развитие коммуникативных практик и коммуникативная рационализация лежат в основе современного гражданского общества [3].

В «Теории коммуникативного действия» (1981 г.), а позднее, в 1986 г., в исследовании «Мораль и коммуникации» и в 1988 г. в «Дискурсе современной философии» Ю. Хабермас исходит из того, что лежащая в основе европейского мышления субъект-объектная оппозиция обуславливает в качестве типового и субъект-объектное «извне деформирующее» отношение к миру. В этой связи Ю. Хабермас считает необходимой переориентацию на принципиально субъект-субъектную структуру, моделируемую межличностным общением, – «интеракцию», понимаемую им не как социальное взаимодействие, но как глубинную содержательную коммуникацию в личностно значимой ее артикуляции. «Стратегическое поведение» ориентировано на достижение цели, и это неизбежно предполагает асимметричную субъект-объектную процедуру и прагматическое использование другого в качестве объекта (средства). «Коммуникативное поведение» принципиально субъект-объектно и, предполагая принятие другого в качестве самодостаточной ценности, может рассматриваться в категориях самодостаточной процессуальности, исключающей какие бы то ни было, помимо самого акта своего, осуществления. В этом отношении «эмансипационный интерес» человека, стремящегося к освобождению от насилия, может быть реализован только посредством становления подлинной «интеракции» (составляющей сферу «практического интереса»), в контексте которой должны быть сформулированы адекватные идеалы и цели, и доминирования этого «интеракционного» взаимодействия над «технологическим». «Технологическое» взаимодействие отражено в «овладении внешней природой» и экстраполирует эту парадигму природопользования на все сферы отношений.

Ю. Хабермас полагал, что формы «коммуникативного» поведения, отраженные в коммуникативных практиках, не могут быть выражены структурами социальных институтов современного общества, центрированными вокруг технических вопросов, в результате чего сфера подлинности реального жизненного мира и система легитимации и институционализации современного общества оказываются принципиально разорванными. Поворот к свободе означает перенос акцентов в

культуре, переориентацию ее приоритетов со сферы отношений человека, выстроенных в режиме «субъект – объект» и задающих соответствующий деформированный и одновременно деформирующий стиль мышления, на сферу межличностных коммуникаций; последние диалогичны, предполагают понимание, аксиологически симметричны по своей природе. Этот процесс сопряжен, по Ю. Хабермасу, с так называемой «коммуникативной рациональностью», в основании которой – субъект-субъектная структура. Ю. Хабермасом интерпретировано используемое структуралистами понятие дискурса как социально обусловленной организации речи: он делает задачей «исследование и реконструкцию универсальных условий возможности понимания», разрабатывает концепцию дискурса как специальной формы речевой коммуникации, основанной на рефлексивном диалоге, акцентирующем все значимые для его участников аспекты как обсуждаемой предметности, так и самой ситуации диалога. «Коммуникативное поведение» реализует себя в актах интеракционизма, основанных на проясненности смыслов; дискурсивный акт требует фиксированной рефлексивной процедуры экспликации семантических и аксиологических структур дискурса, что и лежит в основе понимания. Дискурсивные практики как способ коммуникации открывают возможность подлинного субъект-субъектного соприкосновения, актуализируя пласты символов. Дискурсивная коммуникация позволяет дистанцироваться от ситуации субъект-объектной рациональности и «технического интереса» единственно реально возможным способом: на основе эксплицитного утверждения ее рациональных принципов. Лишь в освобожденном обществе, реализовавшем разумность своих членов, коммуникация могла бы развиться в свободный от принуждения диалог всех со всеми, который является примером как взаимного формирования самоидентичности, так и идеи истинного согласия, писал в «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермас [3. С. 4]. Мы утверждали выше, что становление категории «коммуникация» в качестве одной из базовой для социальной теории привело к возникновению термина «коммуникативная онтология социальной реальности», которая может быть интерпретирована в качестве коммуникативной сферы самоорганизующихся социальных форм и сфер. Коммуникативная изменчивость изменила и характер властных практик, и властных отношений, объектом власти становятся коммуникации, и в дискурсе именно коммуникативной рациональности власть можно представить как самоорганизацию коммуникативных отношений: утратив центрированность, власть стала по природе своей коммуникативной, и именно коммуникативная онтология социальности предполагает понимание власти как ориентированной на реализацию интересов, отраженных в коммуникациях. Власть оказалась обращенной к миру повседневно, что проявило себя в манипуляционной власти.

Формы власти – сила, принуждение, побуждение, убеждение манипуляцией, авторитет – охватывают все возможные проявления. Но в реальной жизни различные формы власти чаще всего проявляются не в чистом, а в «смешанном» виде. Вместе с тем все формы власти совместимы. В частности, сила или принужде-

ние в некоторых случаях подрывают персональный авторитет и способность обеспечивать подчинение с помощью убеждения. Поэтому знание эмпирических закономерностей использования различных форм власти – одно из условий успешного подчинения объекта и достижения субъектом власти своих целей. И лишь в зависимости от источника подчинения объекта субъекту властные отношения могут принимать форму силы, принуждения, убеждения, манипуляции и авторитета. Возникая из ролевой неоднородности людей, власть сводится к системе преимуществ, представляющих дополнительные степени свободы и дающих право одним влиять на самоутверждение других.

Операционализируют власть позитивные (стимулирующие добровольное подчинение) и негативные (осуществляющие принуждение) санкции, которые усиливают асимметрию субъекта и объекта власти. Западные аналитики (Э. Кэплэн, Х. Саймон, Р. Даль, Н. Полеби, Х. Молан, Г. Фишер, Р. Гэйблер, Г. Берштейн, Х. Арендт, М. Льюкс, Т. Болл, С. Лукс, У. Липпман, Б. Коэн, П. Лазарсфельд, Дж. Клаппер, Р. Бахрах, М. Баратц) определяют власть в терминах каузальности: «иметь власть» – значит «ее осуществлять». Можно говорить о дихотомии альтернативной и диспозиционной концепций власти: если первые используют термин «осуществление власти», вторые – термин «обладание властью». При этом именно в границах диспозиционного подхода анализируются «скрытые формы власти»: сложно идентифицируемая власть над сознанием и установлением индивидов. Речь идет о манипулятивном потенциале информационной власти. Специфика информационной власти, иначе именуемой четвертой властью, наглядно проявляется в ее сопоставлении с властью политической.

К понятию «политическая власть» применимо общее определение власти как широкого понятия, имеющего многочисленные формы проявления. Политическая власть, как и любая другая, означает способность и право одних осуществлять свою волю в отношении других, повелевать и управлять, однако вместе с тем она имеет в отличие от других форм власти свою специфику. Ее отличительными признаками, как отмечает, к примеру, В.П. Пугачев [4. С. 21], являются:

- верховенство, обязательность ее решений для всего общества и, соответственно, для всех других видов власти. Она может ограничить влияние других форм власти, поставив их в разумные границы, либо вообще устранить их;
- всеобщность, т.е. публичность. Это означает, что политическая власть действует на основе права от имени всего общества;
- легальность в использовании силы и других средств властвования в пределах страны;
- моноцентричность, т.е. существование общегосударственного центра (системы властных органов) принятия решений;
- широчайший спектр используемых средств для завоевания, удержания и реализации власти.

И этими средствами, необходимыми для завоевания, удержания и реализации власти политической, располагает власть информационная, интегрируемая в систему политической власти и обретающая статус фактора политического. Исследователями выделяются

следующие особенности политического влияния информационной власти:

– незаметность влияния, отсутствие или незначительное сопротивление этой власти реципиентов. Препарированная политическая информация заставляет человека превратиться из противника власти в сторонника, голосовать вопреки собственным интересам, устранившись от участия в политической жизни, играя на руку политическим оппонентам;

– глобальность и безграничность распространения;

– объектом рассмотрения становится любое общественное или личное явление (как общественно-политические процессы, так и личная жизнь). Оцениваемой и комментируемой информации дается политическая и нравственная оценка, предопределяющая отношение окружающих;

– опосредование политического поведения людей: человек получает политическую информацию через СМИ и формирует суждения, выводы, мотивирующие его действия, что создает возможность массового политического манипулирования.

Небывало возросший манипулятивный потенциал информационной власти обусловлен происходящей коммуникативной революцией, процессами глобализации, появлением опирающихся на кибернетику, на дисциплины

поведенческой направленности способов управления сознанием. Немаловажно и то, что очевиден процесс разрушения традиционных связей, традиционных коммуникаций – родовых, религиозных, семейных. Коммуникативная революция трансформировала и статусную роль масс-медиа, вызвав небывалый по масштабу рост «я-формирующих» технологий. Существенным свойством информационной власти является специфика ее воздействия посредством целенаправленного распространения (или блокирования) определенных сведений, информации, что не воспринимается как внешнее принуждение. «Четвертая» власть проявляет себя через управление коммуникациями, их содержанием и направленностью посредством информации; она отличается от обычного информационного влияния интенсивностью, высокой степенью контроля за поведением реципиента, хотя грани между собственно властью и влиянием относительно размыты. Особую роль в реализации манипулятивного потенциала информационной власти играют политические коммуникации, взаимодействие по поводу реализации коллективных интересов с помощью государственной власти. При этом влияние информационной власти на политическое поведение выражено либо в побуждении к действиям, либо через блокирование действий политической оппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канетти Э. Масса и власть. М.: Al Morginet, 1997. С. 17–26.
2. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. М.: Наука, 1989. 189 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 264 с.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. СПб.: Наука, 1998. 254 с.
5. Пугачев В.П. Информационная власть и демократия // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 17–24.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 30 сентября 2008 г.